

УДК 398
ББК 82.3

РУССКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ НЕОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ ЛУЗСКИХ КОМИ

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА МУСАНОВА

(Центр развития этнокультурного образования Коми республиканского института развития образования: Российская Федерация, Республика Коми, 167000, г. Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, д. 23)

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме межэтнических связей и влияния русской культуры на примере лузских коми, одной из этнических групп коми, проживающих в бассейне реки Луза Прилузского р-на Республики Коми. Интерес к этой традиции обусловлен тем, что практически весь песенный репертуар исполнялся здесь на русском языке. Говоря о степени адаптированности текстов в иноязычной среде, стоит подчеркнуть, что, в отличие от песенно-игрового репертуара, который исполнялся на «ломаном» русском языке, тексты лирических песен воспроизводятся практически без языковых трансформаций и представляют собой классические варианты русской лирики. Лишь отдельные слова или фразы в лирических песнях могут иметь «отклонения», которые указывают на их заимствованный («адаптированный») характер. В статье обращается внимание на исполнительскую терминологию лирических песен, которая бытовала в этой традиции на родном языке. Отдельно в работе говорится об особенностях функционирования и приуроченности песен. Условно весь лузский репертуар разделен на два сюжетно-тематических цикла: солдатские (рекрутские) и любовные. В результате сопоставительного анализа с сюжетами русской лирики была выявлена специфика лузского репертуара. Особенности лузских песен связаны с оригинальной комбинацией мотивов, которые широко распространены в русских традициях. Кроме того, в лузском репертуаре бытовали песенные тексты, не имеющие аналогов в публикациях русского песенного фольклора. Вкрапления комиязычной лексики, трансформированных слов и выражений также являются одной из особенностей лузской лирики. «Отклонения» от русских текстов наблюдаются не только на уровне грамматики, но и на смысловом уровне. Искажения на уровне лексики приводят к другому повороту сюжета.*

***Ключевые слова:** межэтнические связи, лирический репертуар, сопоставительный анализ.*

Прилузский р-н расположен на юге Республики Коми и относится к зоне коми-русского пограничья. Две этнические группы — лузские и летские коми, проживающие на этой территории, в результате длительного контактирования с русским населением сформировали оригинальные микролокальные традиции, требующие

пристального внимания и изучения с точки зрения межэтнических связей и влияния русской культуры на коми. Летский лирический репертуар был объектом изучения исследователей [Власов, Савельева 2007, Канева 2008].

В данной работе сосредоточено внимание на особенностях бытования русского

репертуара в певческой традиции лузских коми, проживающих в бассейне р. Луза (сс. Объячево, Ношуль, Поруб, Читаево, Занулье, Черныш). В результате анализа архивного материала, охватывающего большой отрезок времени (первая треть XIX в. — 2000-е гг.), нами выявлено 22 сюжета русских лирических песен в 44 вариантах.

Практически весь песенный репертуар лузских коми исполнялся на русском языке. А. К. Микушев по результатам экспедиции в эту часть района дал характеристику отдельным песенным жанрам: «В Прилузье, в отличие от сысольских деревень, нам не пришлось столкнуться со специальными коми песнями, приурочиваемыми к каким-нибудь празднествам, но такую функцию здесь берут на себя русские игровые песни. Таковы рождественские песни, а также особые песни на Пасху: лирические русские песни “Золотые ваши куденькие ребинушки” и даже солдатская “Рябинушка моя” пели, качаясь на качелях» [Микушев, Рочев 1963, 38]. Описывая исторические и эпические песни, исследователь подмечает: «Нам удалось записать <их> несколько больше, чем в сысольских деревнях. Но значительная часть из них — это русские песни. По всем прилузским деревням хорошо знают историческую песню о Петре I — “За Невагою”. По словам певцов, эту песню пели на свадебных пирах. Знают в Занулье и эпические песни-баллады “Из-под ельничко»» [Микушев, Рочев 1963, 35]. Репертуар рекрутских песен, по замечанию А. К. Микушева, также был более насыщен русскими песнями [Микушев, Рочев 1963, 37].

Факты исполнения русской лирики прилузскими коми позволяют сделать ряд наблюдений, связанных с особенностями усвоения песенных текстов. Песенно-игровой репертуар лузских коми включает в себя тексты, которые исполняются в основном на «ломаном» русском языке (*кыдья роч* песни — букв. «русский с примесью»), лирические же песни, как более поздний по происхождению песенный жанр, оказались адаптированными этническими коми в большей степени: тексты воспроизводятся практически

без языковых трансформаций и представляют собой классические варианты русской лирики, форму бытования которых А. К. Микушев обозначил как «механический перепев русских песен» [Коми народные песни 1993, 14]. Лишь отдельные слова или фразы в лирических песнях могут иметь «отклонения», которые указывают на их заимствованный («адаптированный») характер: например, несогласование слов в предложении, что связано с отсутствием категории рода в коми языке (например, «свёкор-бабушка заставила»). Некоторые изменения в поэтическом и мелодическом тексте коми музыковед П. И. Чисталев связывал с недопониманием коми певцами русской лексики [Чисталев 1976, 21].

В исполнительской терминологии лирические песни лузскими коми обозначались *кузь съыланкыв* (длинная песня). Отметим, что исполнителями четко противопоставляются длинные, протяжные песни песням частым, плясовым, для номинации протяжных песен использовалось также слово *нюжью* — протяжно: «*Мукöд песнясö нюжью съылам, а тайö плясöвöй*» (Некоторые песни протяжно поем, а это плясовая) [Микушев, Рочев 1963, 161]. Говоря о приуроченности песен к календарным праздникам, А. К. Микушев приводит любопытную исполнительскую терминологию: «На Масленицу катались на лошадях и пели любые веселые песни. Весной во время ледохода собирались на берегу Лузы и пели “берег съыланкыв” (букв. “береговые песни”), катались на лодке. А на Пасху сооружали качели и пели качельные песни (“гытсасит съылим”)» [Микушев, Рочев 1963, 32].

Что касается особенностей функционирования и приуроченности песен, то основной ситуацией исполнения лирических песен на Лузе является, судя по замечаниям информантов, досуговая сфера. Они отмечают, что эти песни «*коть кор съыв*» (хоть когда пой), т. е. они обладают свободной приуроченностью.

Лузские песни¹ строятся на известных в русской лирике сюжетах. Сопоставляя лузский репертуар с другими традициями, отметим, что большинство

¹ В данной статье под словосочетаниями «лузские песни», «лузский репертуар» и т. д. мы понимаем песни, которые распевались этническими коми на территории Прилузского р-на. Упоминание в тексте статьи песен из Лузского р-на Кировской обл. будет оговариваться нами особо.

из зафиксированных сюжетов известно и в других местностях, в первую очередь на Русском Севере.

Условно весь лузский репертуар можно разделить на два сюжетно-тематических цикла: солдатские (рекрутские) и любовные.

К группе солдатских песен относятся четыре сюжета, общую тему которых можно обозначить как «молодец на чужой стороне».

Так, в лузской традиции зафиксировано пять вариантов [Микушев и др. 1961, № 74; Микушев, Рочев 1963, № 178, 236; ФА СыктГУ 13-VI-14; ФФ ИЯЛИ К425, № 5] широко распространенного в русских традициях сюжета «**За Невагою**» [Киреевский 1977, № 156; Браз 1977, № 9; Песенный фольклор Мезени 1967, № 22; Лирические песни 1990, № 552, 553; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 2]. В лузских вариантах, как и в русских, реализуется мотив «жалобы на солдатскую жизнь», а также упоминается о «службе царской, Петру Первому».

Сюжет песни «**Соловей, ты соловей, где / везде ты жила-прожила**» выявлен

Ты рябинушка моя да
Раскудрявай,
Рёскудрявоей, ей-ей,
Ты не стой, ребинка,
На крутой горе (2), ой-ей,
На скрутою-то на горе,
На житой песке (2), ой-ей,
На житою-то на песке,
Синей море (2), ой-ей,
У синюю-то по с море,
Утки плавают (2), ой-ей,
Утки плавают да,
Скарами идут (2), ой-ей
Скарами идут,
На стакан полкой...
[Микушев, Рочев 1963, № 216].

Остаются малопонятными сочетания «на житой песке», «скарами идут». Наличие искаженных фраз в тексте можно объяснить, во-первых, возможной некачественной расшифровкой собирателями этого сюжета, а во-вторых, самим устным характером усвоения и бытования текстов, при котором разного рода искажения допустимы и для исполнения на родном языке.

Сюжет песни «**Вы прощайте, девки, жёнки**» [Микушев и др. 1960–1961, № 59;

в трех вариантах [Микушев, Рочев 1963, № 234; ФА СыктГУ 13103–14, 13104–11]. Близких сюжетов в публикациях русского песенного фольклора нами не выявлено, но ведущий мотив лузской песни — «солдат стоит на часах» — встретился нам в нескольких русских вариантах [Песенный фольклор Мезени 1967, № 26; Киреевский 1977, № 195; Лирические песни 1990, № 530]. Кроме того, в тексте реализуется мотив «солдат уходит на войну, получает награды».

Еще одна песня солдатского цикла «**Рябинушка моя раскудрявай**» зафиксирована в одном варианте [Микушев, Рочев 1963, № 216]. Сюжетная ситуация строится на обращении молодца к матери с просьбой отпустить его домой «*к отцу-матери родной*». Близкие варианты обнаружены нами в публикациях песен из Пермской обл. и в репертуаре русских старообрядцев Литвы [Лирические песни 1990, № 540; Фольклор старообрядцев Литвы 2010, № 239, 242]. По сравнению с ними в лузской песне появляются дополнительные образы песка и уток, ср.:

Ты, калинушка,
Ты, малинушка,
Ты не стой, не стой
На горе крутой,
Не спущай листья
Во сине море.
Как по синю морю
Корабель плывет...
[Лирические песни 1990, № 540].

Микушев, Рочев 1963, № 177] представляет собой соединение солдатской (рекрутской) и любовной тем. В первой части песни реализуется мотив отъезда молодцев на военную службу. Он встречается в русской лирике достаточно часто [Великорусские народные песни 1898, № 260; Бахтин 1978, № 207; Стародубцева 1999, № 22; Ленинградский фольклор 2008, № 202, 203]. В одном варианте лузского песенного текста [Микушев и др. 1961,

№ 59] этот мотив сменяется описанием состояния героини («Прежде я не верила подружке, // Да почему милого жаль»), тем самым обе части текста логически связаны. Подобное описание аналогично варианту из сборника А. И. Соболевского [Великорусские народные песни 1897, № 450; Великорусские народные песни 1899, № 754]. Таким образом, в лузском

Вы прощайте, девки-жон... девки-жонки да,
 Нам тепере, ой, нам тепере не до вас,
 Не до вас да пришел горе, ой, пришел го...
 город вот указ,
 Вот указ да во саночки, ой, во саночки
 садят нас,
 Садят нас да во салдаты, ой, во салдаты
 везут нас,
 Везут нас да с горя ноже... ой, с горя
 ноженьки да не носят,
 Не носят да глаза на свет, ой, глаза на свет
 не глядят,
 Не глядят да это ште за, ой, это ште такой
 за сонце,
 За сонце да днем красит, ой, днем красит
 ночью нет,
 Ночью нет да ета ште за, ой, это ште месец да,
 Месец да ночью светит, ой, ночью светит,
 днем и нет,
 Днем нет да ето ште же, ой, это ште такой
 да милой,
 Милой да летом любит, ой, летом любит,
 зимой нет
 [Микушев, Рочев 1963, № 177].

Кроме того, в лузском тексте появляется ответ молодца девушке, в котором он объясняет причину, почему он не пришел к ней на свидание. Близкий

...Да уж и рад бы, ой, уж я рад да мила
 тебя любить,
 Те любить да зимой холод, ой, зимой
 холод кодить,
 Ой, кодить да были летны, ой, были
 летние да башмачки,
 Мы башмачки да по ночам их, ой,
 по ночам их истоптам да,
 Истоптам да шуба рвана, ой, шуба рвана
 да без корма...
 Без кормана да без подола, ой, без подола
 без полы...
 [Микушев, Рочев 1963, № 177].

Лузский текст заканчивается мотивом «девушка хочет проведать милого и переплавляется на другой берег»:

в тексте произошла контаминация мотивов, которые в текстах из русских традиций реализуются в разных сюжетах.

В другом варианте лузской песни мотив отъезда молодца на службу соединяется с мотивом разлуки девушки с милым. Этот фрагмент лузского текста имеет аналог с песенным фрагментом из воронежской традиции, ср.:

...Прощай, девки, прощай, бабы!
 Нам тепере не до вас:
 Во солдаты везут нас!
 С горя ноженьки не ходят,
 Со слез глазки не глядят!

Что это за солнышко: летом греет, зимой
 нет?

Что это за месяц: ночью светит, а днем нет?

Что это за милый друг: летом любит, зимой
 нет?

[Великорусские народные песни 1898,
 № 260].

мотив обнаруживаем в пермской традиции и в традиции Камско-Вятского междуречья [Великорусские народные песни 1898, № 259; Стародубцева 2001, № 71], ср.:

— Рад бы, душечка, любить,—

Зимой холодно ходить:

Шуба рвана, без кармана,

Без подошв сапоги!

[Великорусские народные песни 1898,
 № 259].

...Проведала бы милого,
Милого да где мой милой, ой, где мой
миленькой живет.
Ой, живет да меж горами, ой, меж горами
да меж крутыми,
Крутыми да розликала, ой, розливалоса
вода,
Ой, вода да, возьму я лодку, ой, возьму
лодку да перевей...
Переёсла да переёду, ой, переёду да за
рекой...
[Микушев, Рочев 1963, № 177].

Опять же в этом тексте обнаруживаем контаминацию известных мотивов с добавлением оригинального мотива. В результате комбинации широко распространенных мотивов в лузской традиции появились уникальные песенные сюжеты.

Самый большой пласт лирических песен прилузских коми составляют песни любовные. В сюжетах любовной лирики реализуются традиционные мотивы: печаль об уходящей молодости, неудачное замужество, расставание с любимым, тоска девушки по молодцу. Основная тема практически всех песен любовного цикла — разлука молодца и девушки. Эта тема раскрывается в мотиве «отъезд молодца». Часто разлука представлена как состояние лирических героев через мотивы одиночества, грусти-тоски девушки. Кроме того, лузские песни строятся на мотивах встречи-свидания, смерти девушки от

несчастной любви и противопоставления опостылый/любимый.

Так, среди известных сюжетов русской лирики в лузской традиции бытовали песни «Черноброва, черноглаза» (тоска девушки в разлуке с молодцем), «Выпила-то я вино с перчом» (отъезд молодца — печаль девушки), «Стал я засыпати да горе забывать» (свидание возлюбленных), «Сохнёт-верхнёт в поле травка» (измена молодца, грусть-тоска девушки), «У тесовую кроватушке лёжала» (ожидание милого, свидание, угощение милого).

Песня «**Я спойду с гѳръя**» зафиксирована в двух вариантах в с. Черныш в разные годы [ФА СыктГУ 1331–23, 13163–17], также имеется фрагментарная запись [Микушев и др. 1961, № 37]. Зачин песни — «девушка идет с горя в лес» — представляет собой традиционный в русской лирике мотив [Великорусские народные песни 1895, № 320; Великорусские народные песни 1899, № 457; Устьянские песни 1983, № 37; Лирические песни 1990, № 256, 308, 400; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 58]. Он встречается также в другом прилузском тексте с любовной тематикой — «Черноброва, черноглаза» [СыктГУ 13121–30].

В лузской песне «Я спойду с гѳръя» далее появляется мотив «росла трава, розами цвела». В одном из вариантов слово «трава» сопровождается эпитетом «розарнисовые», очевидно, от «анисовые», как в формульном описании лугов, встречающемся в разных песнях. Ср.:

Росла травенькой да росла трѳвенькой, росла трѳ, ой да трѳвенькой,
Ой да, розарни, ой да сѳвые,
Розарнисѳвѳй, пѳрозарнисѳвѳй, ой да роза... свежѳя
[ФА СыктГУ 1331–23];

... В зелена-те ле лужка, ай, да где растѳт
трава,
Ой, да растѳт травонька, трава шелковая
(...),
Ой, да где цветут-то ле цветы, ай, цветы
лазоревыя (...).
Ой, да где несло-то ле духи, духи
малиновыя, (...).
Ой, да не малиновыя, духи анисовые
(«Я пойду-то ле с горя...»),
[Традиционная культура Усть-Цильмы
2008, № 58]

Во лузях, во лузях,
Во лузях было во зеленых лужках (...),
Да там росла, да там росла,
Выростала трава шелковая (...),
Шелковая, полушелковая (...),
Расцвели цветы лазоревые (...),
Пронесло духи анисовые (...),
Розанисовые, малиновыя...
(Ленский р-н Архангельской обл.)
[ФА СыктГУ 0812–3].

Возможно, в варианте лузских коми произошло переосмысление слова «розарнисовый» («розарнистовый»), в резуль-

тате которого в песне появилась «роза свежая». Вместо традиционного венка, который плетет девушка для милого в русских

вариантах песни «Я пойду с горя», в лужской песне реализуется образ платка на голове, причем в песне он назван «шалевым». Можно сказать, этот образ вызвал появление ряда однородных конструкций: «лисарёв цветок» / «царёв цветок», «сарьёвской лавка» / «царёвской лавка», «сарьёвской купеч» / «царёвской купеч», «сарьёвской шинель», «сарьёвской шапка». Стоит отметить оригинальное оформление словосочетаний «царский цветок», «царская лавка», «царский купец», «царская шинель», «царская шапка». Остается неясной семантика словосочетания «лисарёв цветок». Возможно, здесь произошло соединение слова «царский» с еще одним эпитетом. Таким образом, мы наблюдаем в тексте целый ряд именных конструкций. Максимально широкий спектр синонимических рядов служит механизмом упорядочивания текста, «именно тенденция к такой структурной организации восполняет пробелы в осмыслении иноязычных текстов» [Савельева 2007, 384]. Эта особенность характерна и для лирических песен летских коми.

Песня «**На заре было, да всё на зорюшке**» зафиксирована в одном варианте [ФА СыктГУ 13121–37]. Мотивы, на которых строится данный текст, в сочетании

...Не ясён-то сокол да со гнезды слетел,
Со гнезды слетел дай добрый молодец.
Доброй молодец да из гости пошёл,
Из гости-то прошёл с милым прощается...
[ФА СыктГУ 13121–37];

В результате контаминации известных мотивов в традиции лужских коми сложился стройный сюжет с минимальными языковыми искажениями в тексте.

Песня «**(В) саду жить невесело**» выявлена в одном варианте [Микушев, Рочев 1963, № 186]. Она включает

Саду жить невесело,
Саду жить невесело да,
Любить не, ой, некого,
Любить не, ой, некого.
Сполюбил парень девочки
На три год годничкой,
На три год годничкой,
На четвертый год надо,

с другими мотивами или в качестве самостоятельных известны разным традициям: 1) молодец покидает девушку («*Не ясён-то сокол да со гнезды слетел, // Со гнезды слетел дай добрый молодец*»); 2) мотив прощания с милой («*Ты прощай-прости, да моя милая, да еще раз прощай, да любезная*»); 3) мотив свивания венка («*Пойду в лесок, сорву цветок, совью веноч на головушку, // “Носи веноч, не скидывай, люби — не обманывай”*»). Последний мотив широко распространен в русском песенном репертуаре [Великорусские народные песни 1899, № 24–30; Лирические народные песни 1962, № 37; Песенный фольклор Мезени 1967, № 62; Печорские былины и песни 1979, № 177; Устьянские песни 1983, № 37 («Мне куда жо с горя да мне-то дэватисе»); Фольклор русского Устья 1986, № 179; Лирические песни Томского Приобья 1986, № 11; Русские народные песни Забайкалья 1989, № 54, 65; Лирические песни 1990, № 256; Традиционный фольклор Вилегодского района 1995, № 6; Русская лирическая песня 2004, № 57, 62].

Сравнение «не сокол слетал — добрый молодец» встречается в песне из с. Ильинское Слободского р-на Кировской обл. Ср.:

На дворе-то стаёт нерано,
Что нерано да вечерает.
Что нерано да вечерает...
Не сокол то с гнезда слетает.
Не сокол то с гнезда слетает —
Молодец с двора съезжает...»
[Лирические песни 1990, № 402].

следующие мотивы: «молодец полюбил девушку и покинул»; описание сада; «молодец ведет коня». Первые два мотива обнаруживают сходство с вариантом песни из сборника А. И. Соболевского [Великорусские народные песни 1897, № 339]. Ср.:

Жить невесело во садике,
Любить некого...
Полюбил парень девонюшку
На три годика;
На четвертый-ет на годик

Роставатися стал,
Роставатися стал,
Росставатся роспрощался,
Чтой польнюша звай,
Чтой польнюша зва,
Чтой польнь наша польнь,
Польнь го-ой горькая,
Польнь чой горькая,
Заялась штё польнь
Саду ме-ой, местечко,
Саду ме-ой местечко,
Саду место, саду дом,
Где бы ро-ой, родныё,
Где бы ро-ой, родныё,
Где бы родной места дом
Да где изюм-от цветет,
Где изюм-от растет,
Где изюм-трава растет
Да чёрношлива цветет,
Черношлива цветет,
Черношлив, черношлив
Да сладкие ой ягодой,
Сладкие ягодой...
[Микушев, Рочев 1963, № 186].

Близкое описание сада с образом чернослива встретилось нам в тексте песни из Тверской губ. [Лирические песни 1990, № 410]. Лузский текст имеет окончание, раскрывающееся в мотиве «добрый молодец ведет коня» и в описании коня и телеги. Аналоги этому фрагменту находим в песенных текстах разных традиций [Песни Печоры 1963, № 350; Песенный фольклор Мезени 1967, № 92]. Отметим формульную реализацию этого мотива в песне лузских коми:

Да тут шел ли прошел
Да доброй мо-ой молодец,
Доброй мой-молодец,
Доброй молодец идет,
Да за собой коня ведет,
За собой коня ведет
Да коня вороныё,
Коня вороны (2)
Да ножки новенькая,
Ой, да новенькая,
Ум да новенькая
Да ножки кованыё,
Ножки кованыё (2)
Да телега крашёные,
Телега крашенные,
Телега крашенные да
Дуга устьтюжская.

Разставатся стал,
Спокидаться,
Стал польней звать,
Стал: «польнушка, польнюша,
Польнь горькая!»

Заяла наша польнюша...
В саде местечко,
Да в саде доброе,
Хлебородное,
Да в хлебе местечко,
Чернозем земля.
Чернозем земля хорошая,—
Тут изюм растет,
Виноград цветет,
Виноград, виноградушко,
Да сладки яблочки, орешечки,
Для потешечки...
[Великорусские народные песни
1897, № 339].

Начальный и финальный мотивы не связаны друг с другом по содержанию, они скреплены описанием сада. Тексты с подобной структурной организацией бытуют также в летской традиции.

Песня «Запевай-ко, моя любезна, я которой да сполучше» / «Напевай, кому я любезная, который да получиша» выявлена в двух вариантах [Микушев и др. 1961, № 65а; Микушев, Рочев 1963, № 187]. Можно заметить, что зачины этой песни имеют различную смысловую нагрузку. В одном случае звучит просьба спеть песню, «которая получше», а в другом — просьба спеть песню для того, кому по сердцу лирическая героиня («напевай, кому я любезная»).

Текст построен на сочетании мотивов, которые по отдельности встречаются и в составе других песен. Мотив «запевай, моя любезная» распространен в русском репертуаре [Печорские былины и песни 1979, № 177; Лирические песни 1990, № 330; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 27, 28]. В песне реализуется мотив просьбы молодца к девушке не печалиться. Возникающие разночтения в лузских вариантах связаны с лексически трансформированными словами («скушайся»/«скрушайся»):

Лучше да ты живий-ко,
Моя любезная,
Живи не да печалься,
Печалься да тоским-печаль,
Милый, не сдавайся,
Сама не да скушайся
[Микушев, Рочев 1963, № 187].

Далее в одном из вариантов появляется образ ветра с родимой стороны, который приносит с собой ясного сокола. В другом варианте образ ветра отсутствует

Скушайся да ду-дунет ветре,

С родимой да сторонке,
Ой сторонки да со родимой,
Были все дорожки
Кто ко мне долетаёт,
Летают да не летай-ко,
Ясенькой сокольчик,
Занедужка дай сведёт,
Сведёт да мил на гнедышкой,
Милой садился
[Микушев, Рочев 1963, № 187].

Следующий мотив песни — «милый ночку не ночует, всю ночь протоскует» — также известен в русских традициях [Лирические песни Томского Приобья 1986, № 11; Русские народные песни Забайкалья 1989, № 84]. Вариант с образом батюшки бытовал в хороводно-плясовой традиции Виледи [Традиционный фольклор Вилегодского района 1995, № 27].

Один лузский вариант этой песни содержит мотив строительства кровати из дерева осины, который встретился нам

Мы построим нову кроватьку,
Из бесчестных древа,
Из бесчестной было деревенский,
Изгорьки² да осины
[Микушев, Рочев 1963, № 187].

Финальные мотивы в двух выявленных вариантах различны. В одном мотив имеет смысловую связь с образом кровати через образ дерева: «Вершиночки стали подсыпати, // Девки погибати» [Микушев, Рочев 1963, № 187]. В другом варианте ключительный мотив связан с образом деревенского парня, который находится в удрученном состоянии: «Ночи каждой

Лучше да ты же
Веко, моя любезной,
По вине да печалься,
Печалься да тоские, печаль,
Милой, не сдавайся,
Сама не да скрушайся
[Микушев и др. 1961, № 65а].

и появляется лексически трансформированное сочетание «во доле вольными, при с родимой да сторонке»:

Скрушайся да не во доле,
Доле да вольными,
При с родимой да сторонке,
Сторонке да со родимой,
Был я да со широким,
Сокол не да летает,
Летает да не летай-ко
Ясенькой соколик.
На гнездышко садёт,
Да-й он на гнездышко
Милой садится
[Микушев и др. 1961, № 65а].

в песенных сборниках разных русских традиций [Великорусские народные песни 1895, № 449, 450; Великорусские народные песни 1898, № 334; Великорусские народные песни 1899, №№ 498, 628; Лирические народные песни 1962, № 40]. В другом лузском варианте образ кровати отсутствует, появляется образ деревенского парня, который «много работает» («тысечи да сробит сроботушки»), во фрагменте встречаются искаженные слова и словосочетания («избесчастной», «из самова да жинке»):

Тысечи да сробит сроботушки,
Избесчастной был я,
Избесчастной был я да деревенской,
Из самова да жинке
[Микушев и др. 1961, № 65а].

стал я подсыхати, // Маша погибати». Этот фрагмент заканчивается формулой «Хошь спокинёшь, милой, заспокинёшь, // Вспомнёшь меня» [Микушев и др. 1961, № 65а]. Таким образом, два, казалось бы, близких варианта в результате лексических трансформаций получили две различные сюжетные ситуации: «выпадение» образа кровати из текста привело к тому,

² Вероятно, «Из горьки».

что слово «деревянный» превратилось в слово «деревенский», и сюжетное развитие песни пошло по другому пути.

Песня «**Как на матушке на Невой реку**», выявленная у лужских коми в единственном варианте [ФФ ИЯЛИ К425, № 12], достаточно распространена в русской традиции [Великорусские народные песни 1899, № 725–727; Песни Печоры 1963, № 21; Лирические песни 1990, № 537]. В песне содержится мотив встречи девушки и молодца. Образы матроса на корабле и девушки в тереме, которые

...На Невой, реку на Васильёвской
На Васильёвской травенёй мой,
Тrove славной мой...
[ФФ ИЯЛИ К425, № 12].

Вместо острова появляется «затемненное» словосочетание «травенёй мой, трове славной мой», что не имеет отношения к характеристике Васильевского острова.

Молбодой матрос караблей
Ночки с карабле, сночки на море(й)
спустит,
На море спусти возле нас, спусти возле
нас двери полотняной...
[ФФ ИЯЛИ К425, № 12].

Мотив встречи в сравниваемых вариантах имеет расхождения: в вологодском варианте девица увидела матроса, в лужском — наоборот, матрос девицу: «Увидела же увидела же красным девицу, // Красным девицу из баклуйского, из баснуйского нова теремой».

Разночтения в вариантах из коми и русских традиций отмечаются также на уровне эпитетов. В лужском варианте полотняными названы двери, в вологодском — паруса. Терем в лужской традиции обозначен как «баклуйский», «баснуйский», «новый», в вологодской — «высокий», «новый».

Отличия наблюдаются и в финальном мотиве: вологодская песня оканчивается мотивами «смерть девушки» и «печаль молодца», отсутствующие в лужской песне.

Песня «**Очи ёво ясны**» выявлена в записях от лужских коми в пяти вариантах [НМ РК. КП 12484, 238; Микушев, Рочев 1963, № 283; ФА СыктГУ 1331–18а, 13103–21, 25]. Текст по всем вариантам довольно устойчив. В русской традиции эта песня

представлены в этом тексте, в песенной традиции Забайкалья встретились нам в разных песенных сюжетах [Русские народные песни Забайкалья 1989, № 1, 22]. Наиболее близкий вариант лужской песни зафиксирован в Вологодской губернии [Лирические песни 1990, № 537]. Лужский текст сохраняет все основные мотивы вологодского текста: матрос на корабле, девушка в тереме, их встреча.

Отметим, что в лужской песне «утерян» образ острова, который устойчиво присутствует в сюжете песни. Ср.:

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове...
[Лирические песни 1990, № 537].

Мотив «молодой матрос корабли снастил» также имеет в лужской песне размытую структуру, появляется образ ночи, местоимение «мы», отсутствующие в других вариантах, например вологодском. Ср.:

Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых да полотняных...
[Лирические песни 1990, № 537].

известна с зачином «Сизенький голубчик сидел на дубочку» [Великорусские народные песни 1899, № 610–616; Песни Печоры 1963, № 27; Традиционная культура Усть-Цильмы 2008, № 108]. Расставание пары, состояние героини («Шила я, вышивала милому рубашку, // Плакала, рыдала, слёзы я вытирала») связаны с отъездом милого на службу («Робит, работает, конёчка седлает»). В лужской традиции эта тема отсутствует, текст разрабатывает только любовную тематику. В песне раскрывается внешность молодца («очи ево ясны», «брови ево чёрны», «личенька белое», «щёчки румяное», «глазки весёлое»), а также дается описание конской упряжи. В нем наблюдаются расхождения. Так, в одном варианте в перечислительный ряд входят такие предметы, как «домповод шелковой», «шлия гумажной», «мегор печатный», «вожжи шелковой» [ФА СыктГУ 1331–18а], в другом появляются дополнительные детали упряжи, вожжи названы «лапеньковыми»:

Дом повод шелковёй,
 Дом повод шелк ой, дом повод шелкёвёй,
 Шлия-тõ гума...
 Шлия-тõ гумажный,
 Шлия-тõ гума-ой шлиятõ гумажный,
 Вожжи лапенькõ,
 Вожжи лапенькõвёй,
 Вожжи лапенькõ-ой, вожжи лапенькõвёй
 Супонь-тõ муржевёй,
 Супонь-тõ мурже-ой, супонь-тõ муржевой,
 Деревча дубõ...
 Деревча дубõвёй,
 Деревча дубõ-ой, деревча дубõвёй,
 Сани на дубõй
 [Микушев, Рочев 1963, № 283].

В тексте встречаются «непереводимые» на русский язык слова «лапенькõвёй», «супонь-тõ муржевёй», «домповод». Слово «мегор» переводится с коми языка как «дуга», что вполне соответствует контексту песни. Тем самым происходит своего рода вкрапление как малопонятных, так и воспринятых на родном языке (комиязычных) слов. Можно предположить, что эта особенность связана с тем, что

Погляжу я сверх по речке,
 Не сплывёт да сверху да лодка.
 Сплывёт лодка, лодка небольшая,
 Лодка небольшая, лодка неспростая,
 Лодка со гребчами,
 Да лодка с молодцами,
 Два молодцы, да два молодцы
 Ой, да удалыё,
 Чёрные шляпы,
 На шляпе той алые ленты,
 На ленте-то пряжи золотыё
 [ФА СыктГУ 13121–35].

Обращает на себя внимание детальное описание головных уборов молодцев в лузском варианте³.

В репертуаре лузских коми бытовали сюжеты семейной тематики. Песня «**Везде были цветки**» зафиксирована в трех вариантах в виде фрагментов [Микушев и др. 1961, № 42; ФА СыктГУ 13172–12,

Все были цветки да весёлые вечерки
 Да ой-ой-ой темной,

певицы не понимали значений русских слов и заменяли своими, более доступными. Это говорит об осмыслении песни самими исполнителями, творческом подходе к пению.

Песня «**Кокушенька мало поднялась**» выявлена в двух неполных вариантах [Микушев и др. 1961, № 23; ФА СыктГУ 13103–16]. В песне выделяются две формульные темы: «кокушенька поднялась через теменький («стеманõй») лесок», «маменька налила, да вот налила». Близкие варианты к лузскому тексту не найдены.

Песня «**Горе горькая кокушка**», зафиксированная в одном варианте [ФА СыктГУ 13121–35], раскрывает мотив «девушка, терпеливо ожидающая милого». Близких вариантов в публикациях русского песенного фольклора не найдено, но сюжетная ситуация «девушка выглядывает в окно, видит лодку» встретилась в отдельных традициях. В лузском варианте в лодке плывут гребцы, в песнях из пермской и вологодской традиций — возлюбленный [Великорусские народные песни 1899, № 165; Лирические народные песни 1962, № 38]. Ср.:

Погляжу с горя в окошко,
 Да в окошко,
 Не бежит ли сверху речка,
 Сверху речка,
 Не плывет ли косна лодка,
 Косна лодка,
 Не сидит ли мой миленький,
 Мой миленький
 [Лирические народные песни 1962,
 № 38].

13193–39], которые были в разное время записаны в с. Ношуль, причем поздние записи (в ФА СыктГУ) являются более полными. Песня строится на мотивах «наказ свекра», «недозволенная любовь замужней женщины». Наиболее близкий сюжет встретился нам в традиции Кировской обл., Ср.:

...А молодушкам не дивья, да у них воля
 не своя,

³ Подобное описание гребцов в лодке см. в сборнике А. И. Соболевского [Великорусские народные песни 1898, № 551].

Свёкор-бабушка заставила гумной⁴ ночи
сиди,
Дай ой-ой-ой темной.
Гумной ночи села да лопатушку сломала,
Да ой-ой-ой темной.
Лопатушку сломала да сторонушку
бросила,
Да ой-ой-ой темной.
Сторонушку бросила, сама к милёночке
пошла,
Ой-ой-ой темной
[ФА СыктГУ 13172–12].

У них воля не своя, воля свекрушкова.
Заставил свекор-бабушка работу
работать,
Что работу работать, на овине молотить.
На овине молотила, молотило изломала,
Молотило изломала, свое сердце извела.
Свое сердце извела, потом на игрище
ушла
[Руднева 1977, № 13].

У сравниваемых вариантов можно отметить три смысловые точки соприкосновения: образ свекра, его наказ и сломанное «орудие труда», при этом в текстах разрабатываются две разные сюжетные темы. Так, в кировском варианте отсутствует мотив «недозволенная любовь замужней женщины»: молодуха стремится на гулянье и ломает молотило. В варианте из коми традиции, как мы можем предположить, молодуха ослушивается свекра, который заставляет ночью сидеть дома, ломает лопату, которой, возможно, заперта дверь, и убегает к возлюбленному. Таким образом, в песнях по-разному реализован мотив «наказ свекра» (в лузском варианте — сидеть дома, в кировском — работать) и образ сломанного «орудия труда»: образ лопаты в тексте лузских коми выступает в качестве подпоры, а не

орудия труда, каким выступило молотило в кировском варианте.

Таким образом, особенности лузских песен связаны с оригинальной комбинацией мотивов, которые широко распространены в русских традициях. Кроме того, в лузском репертуаре бытовали песенные тексты, не нашедшие аналогов в публикациях русского песенного фольклора (например, «Кокушенька мало поднялась»). Вкрапления комиязычной лексики, трансформированных слов и выражений также являются одной из особенностей лузской лирики. «Отклонения» от русских текстов наблюдаются не только на уровне грамматики, но и на смысловом уровне («Запевай, моя любезная, которая да сполучше»). Искажения на уровне лексики приводят к другому повороту сюжета («Запевай, моя любезная, которая да сполучше»).

Литература

Бахтин 1978 — Бахтин В. С. Песни Ленинградской области. Записи 1947–1977. Л., 1978.

Браз 1977 — Браз С. Песни реки Лузы. М., 1977.

Великорусские народные песни 1895 — Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб., 1895. Т. I.

Великорусские народные песни 1897 — Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб., 1897. Т. III.

Великорусские народные песни 1898 — Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб., 1898. Т. IV.

Великорусские народные песни 1899 — Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб., 1899. Т. V.

Власов — Власов А. Н. О традиционной культуре с. Прокопьевка. Машинопись. ФА СыктГУ.

Канева 2008 — Канева Т. С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогозува в контексте изуче-

ния фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сб. науч. ст. М., 2008. Вып. 11. С. 260–266.

Киреевский 1977 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1.

Коми народные песни 1993 — Коми народные песни / Сост. А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1993. Т. 1. Вычегда и Сысола.

Ленинградский фольклор 2008 — Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1960–1980 гг. / Ред.-сост. В. А. Лапин. СПб., 2008.

Лирические народные песни 1962 — Лирические народные песни / Собр. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.

⁴ Возможно русское «темной».

Лирические песни 1990 — Лирические песни / Сост., предисл., подг. текстов и прим. П. С. Выходцева. М., 1990.

Лирические песни Томского Приобья 1986 — Лирические песни Томского Приобья / Сост. А. Мехнецов. Л., 1986.

Микушев и др. 1960–1961 — *Микушев А. К., Чисталев П. И., Муравьева Г. А.* Материалы Сысольско-Лузской и Верхне-Сысольской фольклорных экспедиций (1960–1961 гг.). Сыктывкар, 1972. НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211 «а».

Микушев, Рочев 1963 — *Микушев А. К., Рочев Ю. Г.* Сысольско-Лузский фольклор: Материалы фольклорной экспедиции за 1963 г. НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226.

Песенный фольклор Мезени 1967 — Песенный фольклор Мезени / Подг. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

Песни Печоры 1963 — Песни Печоры / Изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

Печорские былины и песни 1979 — Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

Руднева 1977 — *Руднева А.* Песни Смоленской области, записанные от Е. К. Щеткиной. Песни Кировской области, напетые А. А. Кениной. М., 1977.

Русская лирическая песня 2004 — Русская лирическая песня / Вступ. ст., сост., подг. текстов и прим. В. С. Бахтина. СПб., 2004.

Русские народные песни Забайкалья 1989 — Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М., 1989.

Савельева 2007 — *Савельева Г. С.* Песенный фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // Рябининские чтения-2007: Матер. V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 382–385.

Стародубцева 1999 — *Стародубцева С. В.* «Ох, распечальное моё сердечко». Песни из репертуара Натальи Власовой. Ижевск, 1999.

Стародубцева 2001 — *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вяткого междуречья. Ижевск, 2001.

Традиционная культура Усть-Цильмы 2008 — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / Сост. Т. С. Канева, А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехреньгина, Е. А. Шевченко. М., 2008.

Традиционный фольклор Вилегодского района 1995 — Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.): Исследования и материалы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995.

Устьянские песни 1983 — Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983. Вып. 1.

Фольклор русского Устья 1986 — Фольклор русского Устья. Л., 1986.

Фольклор старообрядцев Литвы 2010 — Фольклор старообрядцев Литвы: Народные песни. Частушки. Детский фольклор / Изд. подг. Ю. Новиков, Ю. Марченко, И. и Н. Захаровы. Вильнюс, 2010. Т. 3.

Чисталев 1976 — *Чисталев П. И.* Русско-коми фольклорные музыкальные связи // Этнография и фольклор коми: Труды Института языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1976. Вып. 17. С. 16–31.

Сокращения

НА Коми НЦ — Научный архив Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

НМ РК — Национальный музей Республики Коми

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (аудио- и рукописный фонды)

ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Методист центра развития этнокультурного образования Коми республиканского института развития образования: Российская Федерация, Республика Коми, 167000, г. Сыктывкар, ул. Орджоникидзе, д. 23; тел.: +7 (9505) 65-03-82; e-mail: musanova_svetlan@mail.ru

RUSSIAN LYRICAL NON-CEREMONIAL SONGS OF THE KOMI OF LUZA

SVETLANA MUSANOVA

(Center for Ethno-Cultural Education Development of Komi Republican Institute for Education
Development: 23, Ordzhonikidze srt., Syktyvkar, 167000, Komi Republic, Russian Federation)

Summary. This paper is devoted to the problem of inter-ethnic communications and influences of the Russian culture on the Komi folklore, exemplified in Komi of Luza, who form one of ethnic groups of the Komi, residing in Luza the river's basin, in Priluzskiy district of the Komi Republic. Particularity of Luza Komi tradition is caused by that fact that entirely all songs of the oral repertoire were performed in Russian there. Speaking about degree of adaptation of texts in the foreign-language environment, it is worth emphasizing that whereas dancing and playing songs were performed in «broken» Russian, texts of lyrical songs are unlikely reproduced without considerable language transformations and represent classical samples of the Russian lyrics. Only separate words or phrases in lyrical songs can have «deviations» which indicate their borrowed («adapted») character. Special attention is paid to performers' terminology of lyrical songs which exists in the native language of the tradition carriers. Features of functioning and ceremonial confinement of songs are elucidated. The entire Luza repertoire can be divided into two plot and thematic cycles: soldier's (military recruiting) and love. As a result of the comparative analysis with plots of the Russian oral lyrics content-related specifics of the Luza repertoire were revealed. Features of the Luza songs are connected with an original combination of motives which are widespread by themselves in the Russian traditions. Besides, song texts which didn't find analogs in publications of the Russian song folklore appeared in the Luza Komi repertoire. Inclusions of the Komi lexicon, transformed words and expressions are also marking features of the Luza lyrics. «Deviations» from the Russian texts are observed not only at the level of grammar, but also at the semantic level. Distortions at the level of lexicon lead to other turn of a plot.

Key words: inter-ethnic communications, lyrical repertoire, comparative analysis.

References

- Bakhtin V. S.** (1978) *Pesni Leningradskoy oblasti. Zapisi 1947–1977* [Songs of Leningrad Region. Recordings from 1947–1977]. Leningrad. In Russian.
- Bakhtin V. S.** (pref., comp., ed., comm.) (2004) *Russkaya liricheskaya pesnya* [Russian Lyrical Song]. St. Petersburg. In Russian.
- Braz S.** (1977) *Pesni reki Luzy* [Songs of Luza the River]. Moscow. In Russian.
- Chistalev P. I.** (1976) *Russko-komi fol'klornye muzykal'nye svyazi* [Russian-Komi Folklore Musical Connections]. *Etnografiya i fol'klor komi. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs AN SSSR* [Ethnography and Folklore of the Komi People. Proceedings of the Institute of language, literature and history of the Komi Research Center]. Syktyvkar. Issue 17. Pp. 16–31. In Russian.
- Fol'klor russkogo Ust'ya (1986) [Folklore of the Russian Ustye]. Leningrad. In Russian.
- Kaneva T. S.** (2008) *Kraevedcheskie materialy P. G. Sukhoguzova v kontekste izucheniya fol'klornoy traditsii sela Prokopëvka Respubliki Komi* [Materials on Local History by P. G. Sukhoguzov in the Context of Studies on Folklore Tradition of Prokopëvka the Village of Komi Republic]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Lichnost' v fol'klоре: ispolnitel', master, sobirateľ, issledovatel'. Sb. nauchn. statey* [Slavic Traditional Culture and Contemporary World. Person in Folklore: Performer, Master, Collector, Researcher. Collected Proceedings of the Scholarly-Practice Conference]. Moscow. Issue 11. 2008. Pp. 260–266. In Russian.
- Kaneva T. S., Vlasov A. N., Zakharov A. N., Marchenko Yu. I., Mekhren'gina Z. N., Shevchenko E. A.** (comp.) (2008) *Traditsionnaya kul'tura Ust'-Tsil'my. Liricheskie pesni* [Traditional Culture of Ust'-Tsil'ma. Lyrical Songs]. Moscow. In Russian.
- Kolpakova N. P., Dobrovoľskiy B. M., Mitrofanova V. V., Korguzalov V. V.** (eds.) (1967) *Pesennyy fol'klor Mezeni* [Song Folklore of Mezen' the River's Basin]. Leningrad. In Russian.
- Kolpakova N. P., Sokolov F. V., Dobrovoľskiy B. M.** (eds.) (1963) *Pesni Pechory* [Songs of Pechora the River's Basin]. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Leont'ev N. P.** (coll., comp.) (1979) *Pechorskie byliny i pesni* [Bylina Epics and Songs of Pechora]. Arkhangel'sk. In Russian.
- Lapin V. A.** (ed., comp.) (2008) *Muzykal'no-pesennyy fol'klor Leningradskoy oblasti v zapisyakh 1960–1980 gg.* [Musical Song Folklore of Leningrad Region in Recordings of the 1960s–1980s]. St. Petersburg. In Russian.

Mekhnetsov A. (comp.) (1986) Liricheskie pesni Tomskogo Priob'ya [Lyrical Songs of Tomsk Area of the Ob' River's Basin]. Leningrad. In Russian.

Mekhnetsov A., Marchenko Yu. I., Mel'nik E. (comp.) (1983) Ust'yanskie pesni [Songs of the Russian Ustye]. Leningrad. Issue 1. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I. (comp.) (1993) Komi narodnye pesni. T. 1. Vychehda i Sysola [Komi Folk Songs. Vol. 1. Vychehda and Sysola Areas]. Syktyvkar. In Russian and Komi.

Mikushev A. K., Chistalev P. I., Muraveva G. A. (1972) Materialy Sysol'sko-Luzskoy i Verkhnee-Sysol'skoy fol'klornykh ekspeditsiy (1960–1961 gg.) [Materials of the Folklore Expeditions at Sysola — Luza and Upper Sysola, 1960–1961]. In: NA Komi NTs. F. 1. Op. 11. D. 211“a” [Folklore Archive of Komi Research Center. Fund 1. Inv. 11. D. 211“a”]. Syktyvkar. In Russian.

Mikushev A. K., Rochev Yu. G. (1963) Sysol'sko-Luzskiy fol'klor. Materialy fol'klornoy ekspeditsii za 1963 g. [Folklore of Sysola and Luza: Materials of the Field Expedition, 1963]. In: NA Komi NTs. F. 1. Op. 11. D. 226 [Folklore Archive of Komi Research Center. Fund 1. Inv. 11. D. 226]. Syktyvkar. In Russian.

Novikov Yu. A., Marchenko Yu., Zakharov I. and N. (comp.) (2010) Fol'klor staroobryadtsev Litvy. T. 3. Narodnye pesni. Chastushki. Detskiy fol'klor [Folklore of Old Believers of Lithuania. Vol. 3. Folk Songs. Chastushka the Ditties. Children's Folklore]. Vilnius. In Russian.

Rudneva A. (1977) Pesni Smolenskoj oblasti, zapisannye ot E. K. Shchetkinoy. Pesni Kirovskoy oblasti, napetye A. A. Keninoy [Songs of Smolensk District, Recorded from E. K. Shchetkina. Songs of Kirov District, Sung by A. A. Kenina]. Moscow. In Russian.

Russkie narodnye pesni Zabaykal'ya. Semeyskiy raspev (1989) [Russian Folk Songs of the Trans-Baykal Area. The “Semeyskiy” Cantus]. Moscow. In Russian.

Savel'eva G. S. (2007) Pesenny fol'klor s. Prokopëvka Priluzskogo rayona: mekhanizmy konservatsii inoetnicheskoy traditsii [Song Folklore of Prokopëvka the Village of Luza District: Mechanisms of Conservation of Alien Ethnic Tradition]. *Ryabininskie chteniya — 2007. Materialy V nauchnoy konferentsii po izucheniyu narodnoy*

kul'tury Russkogo Severa [Ryabinin Readings–2007. Proceedings of the 5th Scholarly Conference upon Studies of Folk Culture of the Russian North]. Petrozavodsk. Pp. 382–385. In Russian.

Sobolevskiy A. I. (ed.) (1895) Velikorusskie narodnye pesni [Great-Russian Folk Songs]. St. Petersburg. Vol. I. In Russian.

Sobolevskiy A. I. (ed.) (1897) Velikorusskie narodnye pesni [Great-Russian Folk Songs]. St. Petersburg. Vol. III. In Russian.

Sobolevskiy A. I. (ed.) (1898) Velikorusskie narodnye pesni [Great-Russian Folk Songs]. St. Petersburg. Vol. IV. In Russian.

Sobolevskiy A. I. (ed.) (1899) Velikorusskie narodnye pesni [Great-Russian Folk Songs]. St. Petersburg. Vol. V. In Russian.

Soymonov A. D. (ed.) (1977) Sobranie narodnykh pesen P. V. Kireevskogo. Zapisi Yazykovykh v Simbirskoy i Orenburgskoy guberniyakh [Collection of Folk Songs of P. V. Kireevskiy. Recordings by Yazykovs in Simbirsk and Orenburg Provinces]. Leningrad. Vol. 1. In Russian.

Starodubtseva S. V. (1999) “Okh, rospechal'noe moe serdechko”. Pesni iz repertuara Natal'i Vlasovoy [“Oh My Very Sad Heart”. Songs from Repertoire of Natalya Vlasova]. Izhevsk. In Russian.

Starodubtseva S. V. (1999) Russkaya khoro vodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Russian Round-Dance Tradition of the Kama and the Vyatka's Interfluve]. Izhevsk. In Russian.

Vlasov A. N. O traditsionnoy kul'ture s. Prokopëvka. Mashinopis'. [About Traditional Culture of Prokopëvka the Village. Type-Writing. Manuscript]. In: FA SyktGU [Folklore Archive of the Syktyvkar State University].

Vlasov A. V. (ed.) (1995) Traditsionnyy fol'klor Vilegodskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti (v zapisyakh 1986–1991 gg.). Issledovaniya i materialy [Traditional Folklore of Vilegodsk District of Archangel'sk Region (in Recordings 1986–1991). Studies and Materials]. Syktyvkar. In Russian.

Vykhodtsev M. (comp., pref., ed., comm.) (1990) Liricheskie pesni [Lyrical Songs]. Moscow. In Russian.

Zyryanov I. V. (coll., comp.) (1962) Liricheskie narodnye pesni [Lyrical Folk Songs]. Perm'. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: musanova_svetlan@mail.ru

Tel.: +7950565-03-82

23, Ordzhonikidze str., Syktyvkar, 167000, Komi Republic, Russian Federation

Methodologist, Center for Ethno-Cultural Education Development, Komi Republican Institute for Education Development
